

Ф И Буслаев

История об Азовском осадном сидении Донских казаков

Буслаев Ф И

История об Азовском осадном сидении Донских казаков

Буслаев Ф. И.

ИСТОРИЯ ОБ АЗОВСКОМ ОСАДНОМ СИДЕНИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

В 1637 г., без ведома и согласия царя Михаила Федоровича, когда он находился в мирных сношениях с Турецким султаном Мурадом, Донские казаки завоевали у этого последнего город Азов. Чтобы выгнать оттуда казаков, султан Мурад (в Истор. Мурат) начал приготовление к походу на Азов, но умер в 1640 г., и только в мае 1641г. наследник его Ибрагим 1-й (в Истор. Обрагим, вар. Абрагим, Брагим, Браим) двинул под Азов 240,000 войска с сотнею осадных орудий; казаков в городе было 5367 мужчин и 800 женщин, которых надобно считать, ибо и они усердно помогали мужьям своим при защите города. (По Истор. так же 5367 человек, см. прим. 28.) По другим известиям осажденных было 14,000 мужчин и 800 женщин: предположив возможность прихода казаков в Азов с разных сторон, вспомнив известия из Польши, что Острианица и Гуния скрывались также в Азове, и конечно, не одни, мы не можем опровергнуть второго показания. Как бы то ни было осажденные с отчаянным мужеством отразили 24 приступа: ни один перебежчик не приходил в стан Турецкий, ни один пленник, под самыми страшными муками, не сказал о числе защитников Азова. Потерявши 20,000 народа, Турки 26 сентября сняли осаду, веденную дурно при недостатке искусных инженеров, при ссоре начальников, при скудости жизненных и военных запасов. Казаки прислали в Москву весть о своем торжестве, но вместе просили помощи, просили, чтоб государь принял от них Азов: "Мы наги, босы и голодны - писали они: запасов пороху и свинцу нет, от этого многие казаки хотят итти врознь, и многие переранены". Царь отвечал: "Мы вас за эту вашу службу, раденье, промысл и крепкостоятельство милостиво похваляем. Пишете, что вы теперь наги, босы и голодны, запасов нет и многие казаки хотят разойтись, а многие переранены: и мы, великий государь, послали к вам 5,000 рублей денег. А что писали к нам о городе Азове и бить челом приказывали, то мы велели дворянину нашему и подьячему города Азова досмотреть, переписать и на чертеж начертить. А вы бы, атаманы и казаки, службу свою, дородство, храбрость, крепкостоятельство к нам совершали, своей чести и славы не теряли, за истинную православную христианскую веру и за нас, великого государя, стояли по прежнему крепко и неподвижно, и на нашу государскую милость и жалованье во всем были надежны" (Соловьева, История России, IX, гл. 4-я).

Приводимый здесь текст имеет форму реляции, или официального донесения Донских казаков царю Михаилу Федоровичу, по содержанию же своему отличается поэтическим характером, и во многом напоминает былины и даже Слово о п. Игоре (см. прим. 9 и 24). Казаки сравнивают свой геройский подвиг с Троянскою войною (см. 4), и, как средневековые рыцари, замышляют новый крестовый поход (см. 9). Именуются они не только свято-русскими богатырями, но и славного Дону рыцарями знатными (см. 6). Поит и кормит их тихий Дон, который они величают Ивановичем и своим государем (см. 10 и 24), а между святыми угодниками особенно покровительствует им Иоанн Предтеча (см. 18).

Общий план всего произведения следующий. За кратким введением (1), История начинается перечнем Турецкого войска (2-3) и описанием прихода его под Азов (4); сначала идут переговоры между Турецкими толмачами и казаками (5-13), потом следует повествование о приступах к Азову и о подкопах (14-21); наконец казаки изнемогли в двухнедельной дневной и ночной борьбе с многочисленным врагом (22), стали готовиться к смерти, прощаясь со светом (23-24); и тогда-то, при чудесном вспомоществовании своих

святых заступников (25), прогоняют они от Азова Турецкие силы (26-27), сами удаляются из разбитого и опустошенного осадой города, и строят монастырь (28). Повествование заключается порицанием врагов и воздаянием славы царю Михаилу Федоровичу и Донскому казачеству (29).

Повествование это дошло до нас в разных редакциях. Одни имеют форму исторического изложения, другие - как в приведенном здесь тексте - форму реляции, хотя и те и другие одинаково именуются История, или Гистория. Последние также различаются по времени происхождения и по объему. Одни краткие, другие, подробные; между краткими одни составлены древнее, другие позднее. Здесь принят сводный текст по двум рукописям XVII в., подробной редакции, с некоторыми дополнениями из редакции краткой, как это показано в примечаниях (см. 15, 16, 17, 25 и 28).

[1] Лето 7150-го октября в 24 день приехали к Москве к государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу, всея России самодержцу, с Дону из Азова-города Донские казаки атаман Наум Васильев да ясаул Федор Иванов, а с ними казаков приехало 24 человека, которые сидели в Азове-городе от Турок в осаде, и своему осадному сидению привезли роспись, и тое роспись подали на Москве в Посольском Приказе печатнику и думному дьяку Федору Федоровичу Лихачеву, а в росписи их пишет.

[2] В прошлом-де в 149 году июля в 24 день прислал Турский Обрагим салтан-царь под нас казаков, своих 4 паши да 2 своих полковников, им же имена - Капитона да Мостафу, да Усеина, да Имбреима, да ближняя своей тайныя думы верного слугу... смотри бою над ними, пашами, вместо себя, царя Турского, как станут паши и полковники над Азовом-городом промышляти и над нашими казачьими головами. А с ними, пашами, прислал Турский царь под нас многую свою собраную силу и бусурманскую рать, совокупя на нас всех подручников своих, нечестивых царей, и королей и князей, и владетелей 12-ти земель, воинских людей переписаной своей рати из-за моря, по спискам, его боевого люду бранного 20,000, кроме поморских Кафинских черных мужиков, которые у них на сей стороне моря собраны, и которые со всех орд их, и Крымския, и Ногайския, с лопаты и с заступы, на загрбение наше, чтоб нас, казаков, многолюдством своим в Азов-городе живых загрести, и засыпати бы им горою великою, как они загребают своими силами людей в городех Персидского шаха; а себе бы им тем царю своему Турскому нашею смертью слава залезть вечная во всю вселенную, а нам бы, христианом, учинити укоризну вечную. Тех-то людей собрано на нас, горных мужиков, многие тысячи без числа и письма им нет: тако их множество. [3] Да с ними же, пашами, пришел из Крыма Крымский царь да брат его Нарадым и Крым-гирей царевич, со всею своею Крымскою и Ногайскою ордою, да Крымских и Ногайских князей и мурз и Татар, ведомых письменных людей 8000, опрочь тех неведомых людей. Да с тем же царем пришло Горских и черкасских князей 30,000. А с пашами было наемных немецких людей: 2 полковника, а с ними 6000 солдат; да с теми же пашами было для приступных промыслов многие немецкие люди, городоемцы, приступные и подкопные, мудрые вымышленники, славные, многих государств измышленники панов великих, из Винеи великия, из Стекольна и из Фрянцыи. То были они пинаршики, которые делали всякие приступные мудрости и ядра чиненые, огненные, и иные которые мудрости умеют. А снаряду было с пашами под Азовом: пушек больших ломовых 120 пушек, и ядра у них были велики, в пуд и в полтора, и в два пуда ядро, да мелкого наряду было с ними всяких пушек и тюфяков 674 пушки, кроме верховых пушек огненных; а верховых с ними было 32 пушки. А весь наряд был прикован на чепях, бояся того, чтоб мы на вылазках вышед у них того снаряду не отбили, и в город бы их не взяли. А было с пашами под нами всяких воинских собранных людей всяких розных земель и вер царя Турского, его земли и розных земель: 1) Турки, 2) Крымцы, 3) Греки, 4) Сербии, 5) Арапы, 6) Можары, 7) Буданы, 8) Ольшани, 9) Арнауы, 10) Волохи, 11) Мутьяня, 12) Черкасы Горские, 13) Немцы. И всего с пашами и с Крымским царем людей было по книгам их бранного боевого люду, кроме вымышленников-Немец и черных мужиков, и охотников, 256,000. А сбирался Турецкий царь на нас, казаков, за морем ровно 4 года, а на пятый год он пашей своих и

Крымского царя под Азов прислал.

[4] Июля в 24 день, в первом часу дня, пришли к нам паши его под город. И Крымский царь наступил на нас со всеми великими Турецкими силами. Все наши поля чистые орды Ногайскими изнасеяны: где у нас была степь чистая, тут стало у нас одним часом, людьми их многими, что великие леса темные. От силы их многия и от рыскания их конского земля у нас под Азовом потряслася и погнулася; из реки у нас, из Дону, вода на береги выступила от таких великих тягостей, и из мест своих вода на луги пошла. И почали они Турки по полям у нас шатры свои Турецкие ставити, и палатки многие и наметы великие, и двory большие, полотняные: что горы страшные забелелися. И почали у них в полках их быти трубли великие в трубы большие и игры многие, и писки от них в полках пошли великие, и несказанными голосами страшными, их бусурманскими. И после того в полках их почала быти стрельба пушечная и мушкетная великая: как есть стала гроза великая над нами, страшная, будто гром велик и молния страшная от облака бывает с небеси. От стрельбы их стал огонь и дым до неба; и все наши градные крепости потряслися от стрельбы их той; и солнце померкло в дне том и в кровь превратилось: как есть - наступила тьма темная. И страшно добре нам стало от стрельбы их в те поры; трепетно и дивно их несказанный, и страшный, и дивный приход бусурманский нам было видети... Близостию самую они почали ставитися за полверсты малые от Азова-города. Их яныченские головы строем идут к нам под город, великими полки. Головы их и сотники, отделяя от них, пред ними идут пеши же. Знамена у них у всех яныченей великие, черные: яко тучи страшные, покрывают людей. Набаты у них гремят многие, и в трубы трубят, и в барабаны бьют, в велики и несказанны. Ужасно слышати сердцу всякому их бусурманская трубля: яко звери воют страшны над главами нашими, розными голосами. Ни в каких странах ратных таких людей не видали мы, и не слыхано про такую рать от веку; подобно тому, как царь Греческий приходил под Троянское государство многими государствы и тысячи. 12 их голов яныченских пришли к нам самую близостию к городу, и осадили нас они пришедши, и... стали круг Азова-города в восемь рядов, от реки Дону до моря, захватя рука за руку, и патожки они свои потыкали, и мушкеты свои на нас прицелили...

[5] Того же дня .на вечер, как пришли Турки к нам под город, и прислали к нам паши их Турецкие толмачей своих бусурманских, и Персидских, и Еллинских, а с ними толмачами прислали говорити голову яныченского от строю своего пехотного. Почал нам говорити голова их яныченский слово царя своего Турского, и от 4 пашей его, речию гладкою:

[6] "О люди Божии, Царя Небесного! Никим вы в пустынях водимы или посылаемы, яко орлы паряще, без страха по воздуху летаете; аки львы свирепые, в пустынях рыкаете. Казачество Донское, вольное, свирепое! Соседи наши ближние, непостоянные нравы, лукавые пустынные жители! Убийцы и разбойницы непощадные! Не сыти ваши очи, не полны ваши чрева. Как от века не наполните своего чрева гладного? Кому приносите такие обиды великие и страшные грубости? Наступили есте вы на такую великую десницу, высокую, на государя царя Турского! Не впрямь вы еще на Руси богатыри Свято-русские нарицаетесь. Где, воры, теперво можети утечи от руки его страшныя? Птицею ли вам из Азова летети? Осажены вы теперво накрепко. Прогневали вы Мурата салтана-царя Турского, величество его: первое, вы у него убили на Дону честна мужа греческого закона, Турского посла Фома Кантакузина, приняв его с честью в городки свои, а с ним побили вы всех Армен и Гречан, для их сребра и злата. А тот посол Фома послан был от Царяграда ко царю вашему для великих царственных дел. Да вы же у царя взяли любимую цареву вотчину, Азов-город, и рыбный двор. Напали вы на него, аки волки гладные, не пощадили вы в нем никакого мужеска возраста, ни стара, ни мала, дондеже и владетелей посекали всех до единого. Положили вы на себя зло лютое, имя звериное; и теперво сидите в нем. Разделили вы государя Турского тем Азовом-городом со всею его ордою Крымскою и Ногайскою, воровством своим. Та у него орда Крымская - оборона его великая на все стороны, страшная. Второе, разлучили его с корабельным пристанищем; затворили вы все море синее, не дадите проходу по морю ни кораблям, ни каторгам царевым ни в которые поморские города.

Сгрубя вы такую грубость, чего вы конца в нем дожидаетесь? Крепкие, жестокие казачьи сердца ваши! Очистите вотчину царя Турского, Азов-город, в ночь сию не мешкая. Что есть у вас в нем серебра и злата, понесите без страха из Азова вон с собою в городки свои казачьи к своим товарищам. Не тронем вас ничем. А естли из Азова сея ночи вон не выдете, не можете завтра живы быти. Кто вас, злодеев, может укрыти, или вас заступити от руки его сильных и от великих, таких страшных, непобедимых его сил, царя восточного, Турского? Кто постоит ему? несть ему никого равна или подобна ему величеством и силами его на свете. Едино лише повинен Богу небесному. Един лише он верен и страж Гроба Божия, по воле же Божии. Избра его Бог на свете едина от всех царей. Промышляйте себе в ночь сию животом своим; не умрите от руки царя Турского смертью лютою, своею волею. Он, великий государь, восточной Турский царь, не убийца николи вашему брату, вору казаку-разбойнику. Ему бы то царю честь достойная, что победити где царя великого и равна своей чести; а ваша ему не дорога кровь разбойничья. А естли вы уже будет пересидите в Азове ночь сию, через царскую милость, и речь, и заповедь, - прием завтра град Азов и вас в нем, воров-разбойников, яко птицу взяв в руки свои, и отдадим вас, воров, на муки лютые и грозные, раздробим всю плоть вашу разбойничью на дробные крошки, хотя бы вас, воров, в Азове-городе сидело 40,000; ино силы с пашами под вас прислано больше волосов на главах ваших. Видите вы и сами, глупые вору, очима своима силу его великую неизсчетну, как они покрыли всю стену вашу казачью великую. Не могут, чаю, и с высоты, с города очи ваши видети другого краю сил наших. Не перелетит через силу Турецкую никакова птица паряща, устрашится людей, от многа множества сил наших, все валится с высоты на землю.... От царства вашего Московского никакой вам помощи не будет ни от царя, ни от человек Русских, ни выручки. На что вы таковы надежны, глупые вору? Запасу вам хлебного не пришлют. А естли вы, люди Божии, и служити хотите, казачество свирепое, вольное, государю нашему царю Обрагиму салтану и его величеству, принесите ему, царю, вольные свои головы разбойничьи в повиновение, на службу вечную. Отпустит государь наш Турецкий царь и паши его все ваши казачьи грубости прежние, и нынешнее взятие Азовское; пожалует вас, казаков, он, государь наш Турский царь, честью великою, обогатив вас, казаков, он, государь Турецкий царь, многим и несчетным богатством, учинит вам, казаком, у себя в Цареграде покой великий во веки, положит на вас на всех казаков, платье свое златоглавое, печати подаст вам богатырские, золоты с царевым клеймом своим. Всяка душа Турецкая и возраст всяк вам, казаком, в государстве его в Цареграде будет кланяться, и вас всех, казаков, называти: "Дону славного рыцари знатные, казаки избранные"...

[7] Ответ наш казачий из Азова-города Турецким и розных языков и вер толмачем и голове яныченскому:

[8] О, прегордые и лютые варвары! Видим мы всех вас и до сех мест про вас ведаем, силы и пыхи царя Турского все знаем мы, и ведаемся с вами, Турками, почасту на море и за морем, и на сухом пути. Знакомы уж вы нам. Ждали мы вас, гостей, к себе под Азов-город дни многие. Где полно ваш Обрагим Турский царь ум свой дел? Позор его конечный будет. Или у него, царя, не стало злата и серебра, что он прислал под нас, казаков, для кровавых казачьих зипунов наших 4 паши свои? А с ними, сказывааете, что под нас прислано рати Турецкой одной его по описи 300,000: то мы и сами впрямь видим и ведаем, что есть столько силы его под нами, с 300,000 люду боевого, кроме мужика черного и охотника. Тех впрямь людей много, что травы в поле или песку на море... И то вам, Турком, самим давно ведомо, что с нас по сию пору никто, наших зипунов даром не имывал с плеч наших. Хотя он у нас, Турецкий царь, Азов и взятъем возьмет такими своими великими Турецкими силами и наемными людьми Немецкими, а не своим царевым промыслом и дородством, и разумом; не большая ему то честь и похвала будет его, царя Турского, имени, что возьмет нас, казаков, в Азове-городе: не избудет он тем на веки и не изведет казачья имени и прозвища, и не запустеет Дон головами нашими. На взыскание смерти нашей с Дону удалые молодцы к вам тотчас будут под Азовом. Не утечи будет пашам вашим от них и за морем. А естли только нас избавит Бог от руки вашей сильных, отсидимся от вас в осаде в Азове-городе, от великих

таких сил его; от 300,000 человек, людьми своими малыми, - всего нас, казаков, в Азове сидит 5000: - срамно то будет царю вашему, Турскому, и вечный стыд и позор от его братьи, от всех царей и королей Немецких. Назвал он высока себя, будто он выше всех земских царей: а мы люди Божии; надежа у нас вся на Бога и Матерь Божию Богородицу и на иных угодников, и на всю братию и товарищей своих, которые у нас по Дону в городках живут. А холопи мы природные государя царя христианского царства Московского, а прозвище наше вечно - казачество вольное и Донское безстрашное. Станем мы с ним царем Турским биться, что с худым свиным наймитом. Мы себе казачество вольное исповедаем и живота своего не разсужаем, ни страшимся того, что ваши силы великие. Где бывают рати великие, тут ложатся и трупы многие... Наши казачьи руки малые - срамота, и стыд, и укоризна ему вечная будет, царю вашему Турскому, и пашам, [9] и всему войску. Где его рать топерво великая в полях у нас, ревут и славятся, а завтра в том месте у вас будут вместо игор ваших горести лютые и плачи многие: лягут от рук наших трупы многие. И давно у нас в полях наших летаючи клекчут орлы сизые, и грают вороны черные подле Дону тихого; всегда воют звери дивии, волцы серые, по горам у нас брешут лисицы бурые, а все-то скликаючи, вашего бусурманского трупа ожидаючи. Прежде сего накормили мы их головами вашими, как Азов взяли; а топерво вам от нас опять хочется того же, чтоб плоти вашей мы тех зверей накормили: и то вам будет по прежнему. А Азов-город взяли мы у царя вашего Турского не разбойничеством и не татиным промыслом, взяли мы Азов-город впрямь дородством своим и разумом, для опыту, каковы его люди Турские в городех сидят. А мы сели в Азове людьми малыми, розделяся с товарищи нароком надвое, для опыту же: посмотрим мы Турецких умов и промыслов. А все-то мы применяемся к Ерусалиму и Царюграду. Хочется нам також взяти Царьград: то государство было крепостное христианское".

[10] "Да вы же нас пужаете, бусурмане поганые, что с Руси не будет к нам ни запасу хлебного, ни выручки, а сказываете нам, будто к вам из государства Московского про нас о том писано. И мы про то сами и без вас, собак, ведаем, какие мы на Руси в государстве Московском люди дорогие, и чему мы тамо надобны. Очередь мы свою собою сами ведаем. А государство Московское многолюдно, велико и пространно; сияет светло посреди, паче всех иных государств и орд бусурманских, Персидских и Еллинских, аки в небе солнце. А нас на Руси не почитают и за пса смердящего. А бегаем мы из того государства Московского, из работы вечной, из холопства, невольного, от бояр и от дворян государевых; да зде прибегли и вселились в пустыне непроходней: взираем на Христа Бога небесного. Кому об нас там потужити? Ради там все концу нашему. А запасы к нам хлебные и выручки с Руси николи не бывали. Кормит нас, молодцов, и поит тихий Дон Иванович на поле водою свежею, и рыбами живыми, и зверьми дивиими. Питаемся мы, аки птицы небесные: ни сеем, ни орем, ни в житницы собираем. Так питаемся подле море Черное. А золото и серебро емлем у вас за морем: то вам, самим ведомо. А жены себе красные и любимые водим и выбираем от вас же, из Царяграда"...

[11] "А се мы взяли Азов-город своею волею, а не государским повелением, для казачьих зипунов своих и для лютых и высоких пых ваших, поганых и скаредных. И за то на нас, холопей своих, государь наш зело кручиноват: от него великого государя казни ждем смертной за взятье Азовское. А государь наш великий и праведный и пресветлый царь и великий князь Михайло Федорович, всея России самодержец, и многих государств и орд государь и обладатель: много у него великого государя на вечном холопстве таких бусурманских царей служат ему великому государю, как и ваш Обрагим, Турской царь. Полно он государь наш великий, пресветлый и праведный царь чинит по преданию святых отцев; не желает пролития кровей ваших бусурманских. Довольно он великий государь богат данными своими царскими оброками, и без вашего бусурманского скаредного богатства собачья"...

[12] Да вы же нас зовете словом царя Турского, чтоб нам служить царю Турскому, а сулите нам от него царя Турского честь великую и богатство многое. А мы люди Божии, а холопи государя царя Московского, а се нарицаемся по крещению православные христиане.

Как служить можем ему царю Турскому, неверному, оставя пресветлый здешний свет и будущий? Во тьму итти не хотим. Будем впрямь ему царю Турскому надобны, и мы отсидимся от вас в Азове-городе, побываем мы у него царя за морем, под его Царем-градом: посмотрим мы его Царяграда, строение кровей своих. Там с ним царем Турским переговорим речь всякую, лише бы ему царю наша казачья речь полюбилася. Станем мы служить ему царю пищальми казачьими да своими сабельки вострыми"...

[13] "Промышляйте вы тем, для чего приехали от царя Турского. Мы у вас Азов-город взяли головами своими молодецкими, людьми немногими; а вы его у нас из казачьих рук наших доставайте головами своими Турецкими многими своими силами. Кому-то у нас на боях поможет Бог? Потерять вам под Азовом-городом Турецких голов своих многие тысячи, а не видать вам будет из рук наших казачьих и до века. Разве отымет у нас, холопей своих, великий государь царь и великий князь Михайло Федорович, всея России самодержец, да вас им, собак, пожалует: то уже ваш будет. На то его государская воля".

[14] Как от Азова-города голова и толмачи поехали в свои Турецкие таборы к пашам своим, и сказали наш ответ, и в их полках у них в те поры замешались: почали в трубы трубить, в великие, собранные, и после той трубли собранной почали бить в гарматы, в великие же, и в набаты, в роги, и в цымбалы. Почали играть добре жалостно, а все знатно, что готовятся к приступу. У всей пехоты их, яныченской, солдатской, потихоньку бьют, разбираючись в полках своих; и строились ночь всю до света. Как на дворе уже час дня, почали выступать из станов своих. Знамена у них зацвели и с прапоры на поле, как есть - стали цветы многие. От труб великих и набатов неизреченный визг; дивен и страшен приход их под Азов-город: ни как того уже нельзя страшнее быть. Перво под город к нам пришли к приступу немецкие 2 полковника с солдатами, пришел строй весь пехотный яныченский, 150,000, потому и орда вся пехотою к городу к приступу пришла. Крикнули столь смело и жестоко приход их 1-й; приклонили они знаменами своими весь наш Азов-город. Почали башни и стены топорами рубить, а на стену многие пришли, хотели нас взять того часу 1-го своими силами. В те поры уже у нас пошла своя стрельба по ним осадная из города, а до сех мест мы им молчали. В огне и в дыму не мочно у нас друг друга видеть: на обе стороны лише дым да огонь стоял от стрельбы их огненной; дым топился до неба, как есть - страшная гроза небесная, когда бывает гром с молниею. Которые у нас подкопы были отведены за городом для рати их приступу, и те наши подкопы от множества их неизреченных сил не устояли, все обвалились... И уста наши кровью запеклись не пиваючи и не едаючи...

[15] И было у нас на том приступном месте 12 пушек, набиты дробом. И убили мы у них двух полковников немецких, с немецкими солдатами, да убили у них 12 голов яныченских со теми янычены. И вышли мы, казаки, на вылазку, и взяли у них большое знамя с клеймом Турским, да взяли у них пашу первого. И тот день мы бились с ними до вечера, одва от них отбились. А на первом ночном часу Турки пошли в таборы свои, и ночь всю смечались, много ли войска побито. А убито у них войска 9000, кроме Кафинских мужиков, а тем и сметы нет. А из утра Турки прислали под Азов-город своих толмачей. Толмачи учили просить мертвых тел; а за всякое тело давали по золотому, а за начальных людей давали по двенадцати золотых, а за пашу давали, что он потянет золота. И войском за то не постояли: не взяли у них ни сребра, ни золота: "Не продаем мы мертвого трупу на поле. Емлите свои тела даром. Не дорого их нам серебро и злато, дорога нам слава вечная. То вам, собакам, из Азова-города от нас казаков игрушка первая! Лише мы, молодцы, оружие прочистили. Всем вам, бусурманом, от нас тоже будет! Иным нам вас потчевать не чем: дело осадное". В тот 2-й день бою у нас с ними не было. Отбирали они побитый труп целый день до вечера. Выкопали они яму побитому своему трупу, великие рвы, от города 3 версты, а засыпали их горою высокою. И поставили над ними признаки многие, бусурманские, и подписали языки многими, разными...

[16] И Турки то слыша, что им приступом города не взять, и учили они всем войском своим гору рыть, и вырыли гору многим выше Азова-города: хотят тою горою засыпать Азов-город, и нас, казаков, горькою смертию излучать. И видя мы, бедные, свою погибель,

что приходит смерть скорая, и удумали мы промежду собою: "Хорошо нам, казакам, умереть на поле, а не в ямах". И помолилися мы, бедные, Иоанну Предотечу и Николе Чудотворцу, и пошли из Азова-города вон, и глагола друг другу: "Умирать ли нам, или не умирать на поле!" И как мы взошли на ту высокую гору, и увидели нас Турки, что мы на них идем, и закричали мы, казаки, единогласно: "С нами Бог! разумеете, языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог!" И как Турки услышали то слово из уст наших, тогда вси побежали от горы той. А мы тут побиили их многие тысячи, да взяли у них 40 бочек пороху да шесть знамен пехотных и тем мы порохом розрыли ту гору, и гору ту на них же взорвало, на таборы их.

[17] Видим мы и сами, что стоит над нами, казаками, милость Божия. И видя Турки и вымышленники, что у них земляную мудрость отняли, и стали они думать, как нас доходить в Азове-городе.

[18] Та их мудрость земляная с тех мест миновалася. Почали они от нас страшны быти в рати их; почала меж их роздряга быти великая: паши турецкие почали кричать на царя Крымского, что не ходит он к приступу с ордою с Крымскою. Царево слово к пашам и Турчням: "еже ведомы нравы казачьи и обычай: приступами нам их николи не имывать; в осадах казаки люди жестокосердые. Под светом таких людей не видано и не слыхано. Развее нам на единую их казачью голову давати своих голов по 1000". По повелению пашей и умышленников-городоимцев повели яныченя и все их войско, и черные мужики другую гору позади, больше прежней: в длину лучных 3 стрельбища, а в вышину многим выше Азова-города, а широта ей, как мочно дважды добросить каменем. И на той горе поставили весь снаряд свой пушечный, и пехоту свою всю привели Турецкую на ту гору, 50,000, и орду Ногайскую всю с лошадей сбили. И почали с той горы из снаряду бити по Азову-граду безпрестани день и ночь. И от пушек их страшных гром стоял, и огонь и дым топился от них до неба; 16 ден и ночей 16 не перемолк снаряд их пушечный ни на единый час. Все наши Азовские крепости распались, стены и башни все, и церковь Предотечева: и полаты все до единой розбили у нас по подошву самую, и снаряд наш пушечный переломали весь. Одна лише у нас во всем Азове-городе церковь Николы Чудотворца вполы осталася; потому ее столько осталося, что она стояла внизу добре, у моря под гору.

[19] А мы от них сидели по ямам все, и выглянути нам из них не дадут. И мы в те поры сделали себе покой великий в земле под ними: под их валом дворы себе потайные великие поделали. И с тех мы потайных своих дворов подвели под них 28 подкопов, под их таборы, и теми мы подкопами себе учинили прямую избаву великую. Выходили мы ночью порою на их пехоту яныченскую, побиили мы их тем множество...

[20] С тех мест подкопная их мудрость вся уже миновалася. Постыли уже им те все подкопные мудрости.

[21] А было от Турок всех приступов к нам под город 24 приступа всеми их людьми, кроме большого приступа первого. Такого смелого и жестокого приступа не бывало к нам. Ножами мы с ними резались в том приступе. Почали уже они к нам метати в ямы наши ядра огненные, чиненые, и всякие немецкие приступные мудрости, тем нам они чинили пуще приступов тесноты великие. Побивали многих нас. После тех ядер огненных, вымышляя они над нами умом своим, оставя они все уже мудрости, почали нас осиловать и достигать прямым боем, своими силами: почали они к нам приступ присылать на всякий день, людей своих янычен по 10,000 человек. Приступают к нам целый день до ночи. Ночь придет, - на перемену им придет другая 10,000 человек: те уж к нам приступают ночь всю до света. Ни на един час не дадут покою нам: они бьются с переменою день и ночь, чтоб тою истомою осиловать нас. От такого их злого ухищрения и промыслу, от бесовского, от тяжелых ран своих, и от всяких осадных лютых нужд и от духу смрадного, и от человеческого трупия, отягчали мы все многими болезнями лютыми, осадными. А сели в мале дружине своей: уж только стало перемениться некем; ни на единый час отдохнуть нам не дадут.

[22] И в те поры отчаявши мы живот свой в Азове-городе, в выручке своей безнадежны стали от человек. Только себе чаем помощи от вышнего Бога. Прибежим, бедные, к своему помощнику, Предотечеву образу, пред ним-светом расплачемся слезами своими горькими:

"Государь-свет, помощник наш, Предотеча Христов, Иоанн! По твоему, светову изволению разорили мы гнездо змиево, взяли Азов-град, побили мы в нем всех христианских мучителей и идолослужителей. И твой-светов дом, Николай Чудотворец, очистили, и украсили ваши чудотворные образы от своих грешных, недостойных рук. Без пеня у нас по се поры перед вашими образы не бывало. Али мы вас, светов, чем прогневали, что опять хотите итти в руки бусурманские? На вас мы, светов, надеялись, в осаде сидели, оставя всех своих товарищев. А топерво от Турок видим впрямь смерть свою: поморили нас безсонием; 14 дней и 14 ночей с ними безпрестани мучимся. Уже наши ноги под нами подогнулись, и руки наши оборонные уже не служат нам, и от истомы уста наши замертвели, и глаза у нас порохом выжгло от безпрестанной стрельбы; язык уже наш во устах наших на бусурман закричать не воротится. Такое наше бессилие: не можем в руках своих никакого оружия держати: почитаем себя уже за мертвый труп. Часа уже с 2 не будет в осаде сиденья нашего. Топерво мы, бедные, розставаемся с вашими чудотворными иконами и со всеми христианы православными. Не бывать уж нам на святой Руси: смерть наша грешная в пустынях, за ваши иконы чудотворные, за веру христианскую, за имя государское".

[23] Почали уже мы, атаманы и казаки, и удалые молодцы, и все великое Донское и Запорожское свирепое войско прощаются:

[24] "Прости нас, государь наш, православный царь Михайло Федорович, всяя России самодержец, холопей своих грешных! Вели наши помянути души грешные. Простите, государи, вси патриархи вселенские! Простите, государи, вси преосвящени митрополиты! Простите, государи, вси архиепископы и епископы! Простите, государи, архимандриты и игумены! Простите, государи, протопопы и вси священники, и диаконы, и вси собори освящени! Простите, государи, вси мниси и затворники! Простите нас, вси святии отцы! Простите, государи, вси христианы православные! поминайте наши души грешные своих ради родителей! Простите нас, леса темные и дубравы зеленые! Простите нас, поля чистые и тихие заводи! Простите нас, море синее и реки быстрые! Прости нас, государь наш, тихий Дон Иванович! Уже нам по тебе атаману нашему с грозным войском не ездить, дикого зверя в чистом поле не стреливать, в тихом Дону Ивановиче рыбы не лавливать!"

[25] А для того мы имели пост и чистоту душевную. И Турки у нас спрашивали почасту: "Кто-де у вас из Азова выезжают два юноши младых, и секут наших Турок на поле?" И мы им сказали: "То-де наши воеводы Азовские". А на первом приступе многие у нас искусные люди видели ясно, что от образа Ивана Предотечи, от суха древа, течаху многи слезы, аки струя: то мы ведаем, что стоит над нами милость Божия.

[26] А после своего прощания, взяли мы иконы чудотворные, Предотечину да Николину, да пошли с ними противу бусурманов на вылазку; и милостию Божиею и молитвою Пречистой Богородицы, и заступлением небесных сил, и помощью их угодников Предотечи Иоанна и Николы Чудотворца на вылазке явно бусурманов побили. И видя то люди Турецкие, что стоит над нами милость Божия, что ни в чем осилить не умеют нас, и с тех мест не почали уже присылать к приступу к нам людей своих, янычен. А мы от тех мест от бед своих, и от смертных ран, и от истомы их отдохнули в те дни, и замертво повалялись...

[27] И они Турки, как увидали, что в похвальбе им Бог не пособил взять взатьем Азов-город, и они покиня свои таборы, побежали к своим кораблям и каторгам, видя они свою погибель и страх великий от нашей руки малой. И мы, бедные, на свои руки оборонные и ноги подломные не надеяся, только чая себе от Бога милости и от Пречистой помощи, и заступления Предотечева, крикнули мы, бедные, на их Турецкие таборы; а по таборам только огни горят. От нашего страха великого побежали они к Черному морю, чтоб им уйти от нас за Черное море. И мы, бедные, надеяся на Бога вышнего, пошли за ними в поход: ажно садятся они на свои бусы и каторги, а которые стоят на сухом пути, и они, не видя друг друга, почали метаться, и больше того потопились в Черном море...

[28] А мы бедные, остальцы, - всего нас осталось полчетверты тысячи, и те все переранены, - и взяли мы икону Иоанна Предотечи и Николы Чудотворца, а место Азовское оставили, а сами пошли на свой тихий Дон, и там сотворили обитель Иоанна Предотечи,

атамана поставили игуменом и в монастыре учили жити и Богу молиться.

[29] От нашей руки малой и от казачества вольного им бусурманам срамота стала вечная от всех земель, от царей и от королей, и нашему православному государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу, всея России самодержцу, слава вечная во все орды бусурманские, Персидские и Еллинские, а нашему атаману Науму Васильеву и всему грозному войску Донскому слава вечная.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К Москве, на Москве, 183.- всея, в рук. архаизм всеа; России, уже с двумя сс, а не Росии или Руси, вм. древн. Руси (см. в послесловии к старопечат. Апостолу 1564 г.). - осадное сидение, сидение в осаде, 156. "Посольский Приказ" - говорит Котошихин: "а в нем сидит думный дьяк, да два дьяка, подьячих 14 человек. А ведомы в том приказе дела всех окрестных государств, и послов чужеземских принимают, и отпуск им бывает; также и русских послов и посланников, и гонцов посылают, в которое государство прилучится, отпуск им бывает из того же Приказу... Да в том же Приказе ведомы печати: большая государственная, которою печатают грамоты, что посылают в окрестные государства, другая, - что печатают грамоты жаловальные на вотчины всяких чинов людем дьяк, заведывающий печатями, и именовался печатником)... Да в том же Приказе ведомы (т.-е. заведываются) Донские казаки" (О России, гл. 7). - пишет,вм. пишется или написано.

2. в 149-м, т.-е. в 7149-м, от Р. Х. В 1641. - Турский, Турецкий, в повести о Дракуле см. 1. - салтан, вм. султан, см. в Слове о п. Иг. 31, у Дан. Заточн. 26. - ближняя, тайныя, в рук. ближние, тайные, как и далее во многих местах род. п. женск. р. ед. ч. прилагат. на -е, по-русски. - Азовом, в рук. твор. п. ед. ч. постоянно Азовым, как имя прилагат. - с ними пашами, они паши и т. п., 143. - Кафинских, вар. Кафимских (м==н, 17). - Крымския, Ногайския, род. п. ед. ч., т.-е. орды. - слава залезть (найти, снискать), по-народному, вм. славу, как и далее во многих местах, 175. - письма им нет, не переписаны в списках, не сочтены.

3. писменных переписанных, сочтенных. - опрочь, чаще опричь (от прочих). городоемцы и проч., которые берут города приступами и подкопами и другими измышлениями. - Виницея Венеция, Стекольная Стокгольм, Фрянция Франция; вар. "Немецкие люди городоимцы и приступные умышленники, Шпанцы, Италияне, Френчюжане, Венецеяне". - пинарщики, которые делают пинарды, т.-е. петарды, снаряды, начиненные порохом, или ядра чиненые. - верховые пушки - легкие в противоположность ломовым, тяжелым. - наряд снаряд. - чепь древн. форма, вм. цепь.- Буданы, вар. Будины; Ольшани, Башняки, Бавеяки. - Мутьяня; в Повести о Дракуле см. I.

4. что горы - забелилися; вар. "И горы великие и страшные на тех полях наших единым часом показались". - от облака, вар. от Бога. - яныченский (вар. яныческий), от янычен-ин, янычя или янычяне; вар. янычаре и янычары. В иных списках при этом глосса: "сиречь стрельцы". - Троянская война известна была нашим предкам из Хронографов и из Сказания о взятии Трои. - патожок батожок.

5. Еллинский, вообще языческий; в Задонщ. см. введение.

6. соседи наши ближние - пустынные жители: казаки жили в городках, - "еже от того града Азова - сказано в древней краткой редакции - верст с тридцать по тому же пресловушей реке-Дону вверх живяху вольное казачество, все великое Донское войско, православныя христианския веры, Московския области". непостоянные нравы, нравами непостоянные. - Фому Кантакузина, посланного от султана Мурада к царю Михаилу Федоровичу, Донские казаки захватили и по приговору казнили смертью в 1637 г., во время осады Азова, до его взятия. каторга галера, судно, откуда каторжная работа, собственно работа на галерах. - страж Гроба Божия, т.-е. в Иерусалиме. - естли, не однажы вм. если. - будет пересидите, буде пересидите, 50. - прием приняв. - больше волосов - ваших; затем в рук. прибавлено: "несть столько и волос на главах ваших, сколько силы Турецкой под Азовом-городом". Обрагиму, в рукописях: Мурату.

8. окроме мужика - и охотника, собирательно, ед. ч. вм. множ. 151.

9. и давно и проч. трупа ожидаючи; вар. "а вас ожидаючи клехчут орлы сизые подле Дону славного; у нас всегда воют звери дивии, ожидаючи вашего трупа бусурманского"; еще вар. "клехчут у нас орлы синие давно уже, и грают враны черные, брешут у нас по Дону Ивановичу лисицы бурые, воют в займищах волки серые, а все-то ожидаючи трупу вашего бусурманского". В Слове о п. Игор. см. 10, 17, 35. - прежде сего накормили мы и пр.; вар. "а как мы казаки, взяли Азов-город, тогда мы накормили вашим поганым трупом волков серых, лисиц красных, борзых орлов, черных воронов: а после того они давно не едали вашего поганого трупа; а мы, казаки, конечно (т.-е. в конец, окончательно) накормим их". - Казаки, как средневековые крестonosцы, помышляют о взятии Иерусалима и Царяграда.

10. пужаете, вар. жалеете. - чему дат. цели, 174. - очередь, чреда, положение. - из работы, из рабства. - кормит нас и пр.; вар. "кормит нас на поле Господь Бог во дни и в ночи зверьми дивиими да морскою рыбою". - Дон Иванович: см. 24. - подле с вин. пад., 183.

12. строение кровей наших, наше кровное, родственное, потому что "то государство было крепостное христианское" - как сказано выше. см. 9.

14. знатно, видно, явственно.

15. Этот отдел по краткой редакции до оружье прочистили. - дробом вар. дробью. - одва едва (о==е, 11). - Вариант: "убито у них в тот 1 день от нас под городом кроме 6 голов яныченских и 2 полковников немецких, 23,000, кроме раненых: а клали мы круг города выше пояса". - по двенадцати золотых; вар. по 100 тарелей, т.-е. талеров. - и войском - на поле; вар. "и молодцы им в том отказали, что мы мертвых тел николи не продаем". - оружье, вар. ружье.

16. Этот и следующий 17-й отдел по краткой редакции. - Предотеча, с о вм. ъ: Предътеча. - шесть знамен, вар. 60; пехотных, вар. походных.

18. От нас страшны, нас страшиться, 73. - цареве слово, т.-е. было прислано, дано. - Измерение перестрелом и бросаньем камня, в Хожден. Даниила Паломн. см. 9. - стрельбища, вар. перестрела. - Церковь Иоанна Предтеча была в Азове издавна, когда он еще принадлежал Татарам, как повествуется в Истории о взятии Азова Донскими казаками: "Да в том же граде Азове по прежней нашей православной христианской вере греческого языка престол Божия церкви, а стоит и доньне, святого и славного пророка и Предотечи Крестителя Господня Иоанна, и служил у тоя церкви Греческий поп черный (т.-е. монах), и тоя церковь Божию они поганые многожды разоряли; и около того храма Греки, и от тех окаянных Татар принимали лютую скорбь и гонение, и укор, и поношение христианской вере. А образ Ивана Предотечи написан в лето 6037 году (т.-е. в 529 г. от Р. Х.); а писал его Греческий поп Федор". Эта икона, которой предание приписывало такую древность, была особенно чтима Донскими казаками. Иоанна Предтечу и Николая Чудотворца они почитали своими покровителями (см. 22). Их чудесному заступничеству, сообща с Богородицею, они приписывали свой невероятный успех в отражении Турецкого войска от Азова (см. прим. 25).

21. другая: 10,000 в жен. р. ед. ч. согласовано с десять, 158.

22. отчаять, без ся, с вин. пад., 186. - по твоему, светову: от эпитета свет, прилагаемого здесь к имени Предтечи. - уста наши замертвели, вар. не глаголют. - за мертвый труп; вар. замертва. - часа уже с 2: часа через два.

24. Казаки обращаются к своему тихому Дону, как к лицу одушевленному, называют по отечеству Ивановичем и чествуют титулом государя; точно так же, как Ярославна в Слове о п. Игор. называет Днепр Словутичем, а ветер и солнце господами (см. 41-43).

25. Этот 25-й отдел взят из краткой редакции, потому что в обеих подробных редакциях, по которым большею частью приведен здесь текст, чудесное явление священных личностей опущено. Будто бы эти же два юноши и гнали Турецкое войско от Азова, как рассказывали сами Турки казакам: "Что-де от сильного вашего Московского царства выставала грозная туча; и из той тучи выезжали 2 младые юноша и секли наших Турок наполю". По Истории об Азовском взятии, это не юноши, а два старца, без сомнения, Иоанн Предтеча и Николай угодник, как явствует из следующего: "Мало минуло время, начали

Турки кричат: "О казачество вольное! Кто у вас выходит - один, власы у него долгие, а другой сед, гонят нашу силу Турецкую?" Козаки же отвещаша: "То наши воеводы и начальники, заступники, гонят вас проклятых". По этой же Истории, вместо двух юношей, гонит Турок от Азова Богородица, уже с целым легионом юношей: "Для той казацкой печали (т.-е. чтобы утешить их в печали, спасти от беды) того же для (как казаки в отчаянии со всеми прощались) возста от северной страны туча, а из той тучи вышла дева Пречистая Богородица, и с ней множество прекрасных юношей. И пришед дева прогна турок с той их горы: Турки же видеша, что гонимы быша от горы, друга друга гнаша, и нападе на них страх и трепет, и ослепи очи их, и между собою начали сечися". Но по краткой редакции Истории об Азовск. осадн. сидении, древнейшей, в видении являлись только Богородица и Иоанн Предтеча, который сверх того с большею точностью характеризуется: "И многие искусные люди видели... ово жену прекрасну в багряной ризе, и ово мужа древня, власата, боса, и их атаманов и казаков от иноплеменных от поганых заступающа, и на поганые помогающа". - видели явно, что от образа и проч., вар. "видели у Предотечина образа слезы".

26-27. Здесь рассказывается событие по подробной редакции, в которой опущено чудесное явление Богородицы и святых. Отчаявшись взять Азов приступом, Турки будто бы решились у казаков этот город, разрушенный осадой, купить: "И после того они поганые в город к ним на стрелах грамотки метали, чтоб они атаманы и казаки то Азовское, сбитое городовое, пустое место им отдали, Турским людям: они-де Турские люди дадут им за то городовое место многую казну, и они-де атаманы и казаки... в том отказали".

28. По краткой редакции - полчетверты тысячи, три тысячи с половиною. По древнейшей краткой редакции счет выходит другой: "а их-де атаманов и казаков сидело в осаде в Азове только пять тысяч 367 человек, а побито их больше трех тысяч человек, а остаточные все переранены". - Об устройении монастыря в Истории об Азовском взятии повествуется иначе: "И созидиша казаки, по обещанию своему, монастырь честной, во имя Крестителя Господня и Предтечи Иоанна, и угодника Христова Николая Чудотворца, и в том монастыре построиша две церкви деревянные, и черного попа, еромонаха (вм. иеромонаха) Серапиона, поставиша игуменом в этом монастыре. По своему обещанию, пошли 20 казаков в монашеский чин. И бысть тамо, на Дону, православная Донская обитель, и начата казаки обитель распространять и наделять хлебом и солью. Потом атаман Наум Васильевич, вольное казачество, на тихом Дону лет живота своего в 67 год с миром ко Господу отдаде душу, и положиша казаки тело его во гробе честно, в новосозданном монастыре".

29. По подробной редакции: потому что донесение царю Михаилу Федоровичу должно было заключать в конце обращение к его имени. В краткой редакции, вместо этого, значится только: "Нам, казакам, слава молодецкая, а им бусурманом укоризна вечная!" Вариант: "А по том, нам, казакам, память вечная, а Туркам укоризна вечная!" Иные списки оканчиваются так: "А нам, молодцам, слава на тихом Дону на Ивановиче не переменяется ныне и присно и во веки веков".